

Туяна Дугарова

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ БУРЯТ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности самосознания бурят, обсуждаются традиционные родовые ориентации, влияние титульных этносов и интеграционных процессов.

Ключевые слова: этническое самосознание бурят, ценностное отношение к исконному имени, родословные предания, притязания на признание, половая идентификация в традиционном обществе, нормы родового долга, психологическое время личности, психологическое пространство личности.

Abstract. This study characterizes aspects of emerging ethnic identity among Buryats. Traditional patrimonial orientations, influence of title ethnic groups and integration processes are discussed.

Keywords: ethnic identity of Buryats, interethnic attitudes, ethnic identity statuses, genealogical legends, claims on a recognition, gender identification in a traditional society, specifications of a patrimonial debt, psychological time of the person, psychological space of the person.

В Бурятии наблюдается интенсивный рост этнического самосознания

Буряты – один из монголоязычных этносов Центральной Азии, сформировавшийся на территории России из различных родов и племен в XVI–XVII вв. Дисперсное, фрагментарное расселение бурятского этноса сегодня определено ареалом проживания в трех крупнейших государствах мира: в России – свыше 445 тыс., в Монголии – свыше 44 тыс., в Китае – около 6 тыс. На территории РФ бурятский этнос является этнонациональным меньшинством в составе трех субъектов: Республики Бурятия (273 тыс., 27,8 % от общего числа населения), Иркутской области (135 тыс., 3 % от общего числа населения) и Забайкальского края (115 тыс., 11% от общего числа населения).

В Бурятии – субъекте Российской Федерации – сегодня наблюдается интенсивный рост этнического, религиозного, традиционно-исторического самосознания бурятского этноса. Ценностное отношение к традиционному обществу нарастает на фоне интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности на нашей планете, на фоне международной интеграции современных ценностей цивилизаций [1].

Самосознание традиционных этносов

Согласно В. С. Мухиной, *самосознание традиционных этносов, проживающих на территориях сопряженных государств, находится под влиянием как исконных традиций родоплеменных отношений, так и современных интеграционных тенденций* [2]. Я воочию увидела, что самосознание бурят отражает общность традиционных родовых ориентаций. Кроме того, наблюдается влияние титульных этносов и интеграционных процессов. Этническое самосознание бурят детерминировано условиями сопряжения между «миром родовых традиций» и «миром интеграции культур» в системе окружающих реалий. Речь идет о реалиях предметного и природного мира, об образно-знаковых и социально-нормативных реалиях.

Каждое звено самосознания сензитивно ко всем реалиям

Как показало исследование, каждое звено самосознания личности сензитивно к названным реалиям. Обратимся к презентации наиболее выраженных в традиции звеньев самосознания: речь будет, прежде всего, идти об имени собственном, притязаниях на признание, половой идентификации и гендерных ролях.

1. Идентификация с именем и со своей личностной и социальной сущностью

Мое имя – Туяна

Мое имя – Туяна, что значит «свет». У бурят до сих пор в именнике существуют традиционные имена.

Прежде индивидуальное имя имело сакральное значение в родовых отношениях людей. В настоящее время, как показало наше исследование, сохраняется если не сакральное, то ценностное отношение к исконному имени.

У восточных *бурят-буддистов* в настоящее время *имя дает лама*, или кто-либо из старших родственников; иногда родители дают имя.

У западных *бурят-шаманистов* нередко новорожденные получают имена ближайших предков. Это в какой-то мере связано с тем, что буряты прежде на могилах умерших не ставили памятники. Считалось, что память о мертвых должны сохранять потомки.

Ценностное отношение к исконному имени

Получая имя предка, ребенок как бы устанавливал особые отношения с тем, чьим именем его нарекли. Во внуке воскрешается душа предка. *Через новорожденного умерший возвращается к людям.*

У имен бурят ряд функций: 1 – «Имя – кристалл личности, который в течение жизни формирует и индивидуализирует человека» [3]; 2 – социальный знак; 3 – связь с предком рода; 4 – охранная функция.

Обязательный обряд имянаречения – «*улгыдэ ору-улха*» – продолжается и поныне, отражая истоки мифологического воззрения родового человека.

Согласно нашему исследованию, в современных условиях имя сохраняет функцию социального контроля, имеет мощное значение и смысл для его носителя. По данным нашего наблюдения, в современных условиях имя продолжает выполнять важную функцию – *символ преемственной связи поколений*, генеалогии рода в целом.

Генеалогические родословные берут начало от общего тотемного предка

Генеалогические родословные берут начало от легендарного тотемного предка, который глубоко и непреложно почитаем. «Мифологическое сознание бурят выделяет тотемных первопредков: *Буха нойон* племени булагат, *Пестрый налим* племени эхирит, *Хун шубуун* (Птица-лебедь) хори бурят и хонгодоров» [4].

Зооморфные тотемы

В родоплеменных названиях и легендах о происхождении некоторых бурятских родов зафиксированы и другие зооморфные культы: *орел* – у рода шарайд; *волк* – тотем протомонголов *борте-шоно*; *собака* – тотем эхиритских родов бура и др.

С тотемами связаны определенные поверья. Из эпохи тотемизма дошло до нас особое отношение к собаке: нельзя выгонять собаку на улицу, бить, прижимать дверью. Грех убивать собаку. Например, если убивали волка, пролитую кровь забрасывали снегом или землей, считая, что в противном случае будет ветер со снегом или дождем. Волк у бурят считался небесной собакой – *тэнгэриин нохой*. Если он задирает домашних животных, люди не выражали ему обиду или злость, считая это указанием неба [5].

Тотемы родов несут в себе знаковый характер

Сохранились сказания, что эхириты, получившие имя волка, являются потомками мальчика Чоны, выкормленного волками [6]. Род Чингисхана вел свое происхождение от *борте чоно* (волка). Волк – тотем первопредок – принимает разные функции в верованиях кочевников: волк – проводник; воспитатель героя; волк – оборотень; волк – символ воинской доблести предводителя родовой воинской дружины, которая нередко сравнивается с волчьей стаей [7]. Тотемы родов имели знаковый характер, отражали функциональное значение: посвящение в члены рода, табу на охоту, самоназвание, идентификацию по физическим и боевым качествам.

М. Элиаде писал: «Стремительные набеги тюркомонгольских завоевателей вдохновлялись мифическим образом первобытных евразийских охотников: хищник, преследующий дичь в степи. Скорость передвижения,

Идентификация с
тотемным
первопредком

внезапность вторжения, истребление целых народов, уничтожение признаков оседлой культуры (городов и деревень) – все это сближает отряды всадников-монголов с образом стаи волков» [8].

Сегодня идентификация с тотемным первопредком помогает чувствовать свою сопричастность к роду, племени, наделяет духовной силой, способствует формированию чувства укорененности.

Согласно В. С. Мухиной, «культура содержит в себе образно-знаковые системы, которые предшествуют отдельному человеку, и навязывают себя ему как объективная реальность, выступающая условием человеческого бытия» [9]. Определенные образы и знаки, присвоенные конкретным человеком через их уникальную трансформацию во внутреннем психологическом поле, становятся тем реальным основанием сигнификативной функции сознания, с помощью которой выстраиваются эмоционально-волевая сфера человека, его ценностные ориентации. Именно сигнификативная функция самосознания ответственна за отношение бурят к традиционным тотемам и их мифологическому восприятию.

Знание родословного
древа обязательно
для членов рода

Особое значение буряты придают имени конкретного человека в ряду имен предков. Знание всех ветвей родословного древа считается обязательным для всех членов рода: «Каждый бурят должен знать свою родословную до седьмого колена». «На семейных и общественных празднествах, торжествах, в присутствии многочисленных гостей, приезжавших с разных концов, иногда и 100 верст, среди которых бывали знатоки не только своего рода и племени, но и многих других родов, обычно производили испытание детям... Стоя у стола в почтительной позе дети ... перечисляли своих предков по восходящей и нисходящей линии, начиная с *Буха-нойона* и кончая самим собой и обратно. Чтобы проверить твердость знания, слушатели спрашивали с середины генеалогии, а потом вверх и вниз» [10].

Основа единства
этноса

Родословные предания были и остаются коллективной памятью бурят, матрицей, на которой строится картина мира. Это знание – основа единства этноса, его мифологии, идеологии и политики. А. Д. Карнышев писал: «Многие буряты и в прошлом, и в настоящее время – невольники кровных связей: наличие родственных связей обязывает их всемерно способствовать защите, поддержке, безусловной помощи близким...» [11].

По мнению А. А. Елаева, личность у бурят является отражением системы многочисленных связей со своей

локальной группой и зависимостью от нее. В этом смысле личность неотделима от сложившейся внутренней иерархии связей в этническом сообществе. В современных условиях *клановость* влияет на общественные отношения и политику. Наглядным примером является то, что не было фактов признания представителя какой-либо локальной группы бурят в качестве лидера общенационального масштаба представителями других групп [12]. Я, исследуя ментальные особенности бурят, подтверждаю это наблюдение А. А. Елаева и сегодня – десять лет спустя после его исследований.

Как показывает наблюдение, на современном этапе консолидации этноса и возрождения этнических традиций без обращения к родословным корням не начинается ни одно повествование: перечисление деяний и имен предков служит зачином к эпическому сказанию; восхваление героя-батара; чествование юбиляра и мн. др.

Ценностное отношение к имени

Традиционно ценностное отношение к имени проявляется в его значениях и смыслах. Так, «Гэсэр» должен быть смелым, геройским, «Сахидаг» – высекающим искры из камня и т.д. Психологический анализ пословиц и поговорок также позволяет указать на ценностное отношение к наличию имени: «Нэрэгуй нэхытэ, сологуй сохо» (Некто без имени как жук неразумен); «Хайн нэрые хухалхада, олодохогуй, муу нэрые хюһахада, арилгахагуй» (Хорошее имя трудно найти, плохое имя трудно отскоблить); «Дэгэлээ шэнэһээнэ гамна, нэрээ сэбэрһээнэ гамна (Береги шубу, пока она нова, береги имя, пока оно не запятнано); «Муу нэрэтэй амиды ябанхаар, хайн нэрэтэй ухэнэн дээрэ» (Чем жить с плохим именем, лучше умереть с хорошим); «Нэрээ хухаланхаар, яһаа хухала» (Чем имя потерять, лучше кости (свой) поломать); «Нэрэ олохо – наһанай, нэрээ хухарха – удэрэй» (Ищут имя всю жизнь, а теряют в один день). Приведенные пословицы бурят имеют аналогии во многих культурах мира.

Имена, отражающие характерологические особенности человека

В родовом обществе преобладали личные имена и прозвища, характеризующие человека по его внешности, выражению его лица и конституциональным особенностям. Человек получал свой социальный статус путем приобщения к социальным ролям, тесно связанным с его физическим образом. Буряты говорят: «Шадали хайн шандааһандаа юм, шанар хайн шарайдаа юм», что в переводе означает: «Сила и мощь человека в его сухожилиях, а качество, его духовные богатства выражены в лице». Однако имя могло касаться и

внешних характерологических особенностей человека. Например, до сих пор можно встретить такие имена, как *Шантагар* – «курносый», *Малаан* – «плешивый», *Хазагар* – «криворотый» и др.

Традиционное суеверие подсказывало, что при выборе имени непременно надо помнить о том, что людей с красивым и хорошим по значению именем охотно прибирают к себе потусторонние силы. В связи с этим в прежние времена заведомо нарекали ребенка неблагозвучным именем с отрицательной или уничижительной семантикой, типа: *Эдюур* (прожорливый), *Муузы* (плохая баба), *Хандархай* (развалина), *Тэнэг* (глупый). Нередко с той же целью ввести в заблуждение злых духов использовались в качестве наименований названия животных: *Хулгана* (мышь), *Баха* (лягушка), *Шоно* (волк). Отпугивающую функцию выполняли и такие имена, как *Баасан* (помет, испражнение), *Эмэ нохой* (сука), *Балта* (молот)».

В тех случаях, когда у родителей умирали первенцы, при рождении последующего ребенка отправляли специальный обряд «*зангя зуухэ*», во время которого на шею младенца обычно надевали шелковый шнурок с несколькими узлами, который становился своеобразным амулетом охраны от болезней и злых духов. Сегодня характерны тенденции смены имени в случае преследования неудач.

Как оказалось, именник бурят несет в себе близость совсемиреалиями, описанными в концепции В. С. Мухиной [13]. Наше исследование выявило имена, связанные с реалиями предметов природы: *Наран* (Солнце), *Баян-Далай* (богатое море), *Бадма-Сэсэг* (цветок лотоса), *Сэсэг* (цветок), *Суранзан* (магнит), *Шулун* (камень); с реалиями предметного мира *Зула* (свеча), *Балта* (молот); с реалиями социально-нормативного пространства: *Арюна* (чистота), *Эрдэм* (воплощение знаний), *Алдар* (носитель славы) и др.

Имя было знаком человека и представляло его внутреннюю сущность.

Содержательный анализ результатов нашего исследования показал, что в бурятском именнике сохранен первичный антропонимический фонд и языческое отношение к имени (перемена имени в случае неудач; передача имен по наследству; имена-обереги; имена-ограничители), при этом наблюдается идентификация носителя конкретного имени с именем собственным и именами родовых предков.

Имя sensitивно ко всем реалиям

В бурятском именнике появились новые имена

Вместе с тем в бурятском именнике появились имена, связанные с веяниями интеграционных процессов.

2. Притязания на признание

В бурятском родовом обществе человек, выполняющий все предписания рода, получал всеобщее признание и пользовался защитой. Это проявлялось через символические значения и смыслы гербов, знамен, одежды, причесок, занимаемых на собраниях мест и др.

Предопределенность социального статуса человека в родовом обществе

Метод реконструкции исследований бурятских традиций позволяет нам говорить о том, что социальный статус отдельного человека в родовом обществе был предопределен статусом предков, отраженным в родословных преданиях. Модус поведения, образ мыслей, личные достоинства человека прогнозировались и предписывались в зависимости от его родового статуса. Благородство, воинская доблесть, щедрость, мудрость считались признаками родовитого, знатного мужчины, достойного своих знаменитых предков. Менее ожидали таких значимых качеств от людей незнатного рода.

Добродетелям должны были следовать родовые люди для того, чтобы сохраниться в экстремальных условиях жизни природы и социальных, межэтнических конфликтов.

Система табу регламентирует взаимодействия человека с природой

Сегодня продолжает существовать система *табу*, регламентирующая отношения человека и природы. Эти отношения строятся как отношения людей с хозяином той или иной местности – *эжином*. Так, буряты верили и верят, что хозяин тайги, *Хангай*, наказывает тех, кто нарушает порядок в его владениях. Поэтому, находясь в тайге, они угощают огонь съедобным, стараются, чтобы ничто нечистое не попало в костер, не капнула вода на него, не попал мусор. Нельзя петь песни и громко кричать, особенно свистать. Охотнику не полагается хватать, лгать, ругаться, быть неряшливым, валить деревья возле стоянки, бросать в огонь все, что издает при горении зловоние. Сакральность представлений бурят о личной ответственности перед природной средой имеет свои особенности: речь идет о межпоколенной ответственности. Существуют мифы, как правило, семейные предания, повествующие о карающем возмездии природы за неадекватное поведение и преступление («неправильное» поведение на природе, «неправильная» вырубка леса, охота в «других» местах и т.д.). Вероятность подставить под удар судьбы детей, внуков и последующих потомков

Нормативы родового долга

своим поведением страшит и дисциплинирует представителей традиционного общества.

Освоение нормативов родового долга имело во все времена универсальное значение для выживания рода и каждого родового человека. При всей ограниченности традиционных нормативов они несли (и продолжают нести) опыт бытия человека в условиях *природных и предметных реалий*.

Согласно данным нашего исследования, современные нормы социального поведения бурят уже не *бытуют* в виде жестких нормативов родового долга, а размещаются в сфере кодексов и моральных представлений. Вместе с тем соблюдение традиционных норм поведения продолжает бытовать в культуре бурят, особенно в сельской местности.

Значение родовых мест *тоонто*

Традиционно существует ожидание того, что нужно регулярно посещать родовые места – *тоонто* – места захоронения последа. В «типических переживаниях» бурят образ жилища представлен как хранитель жизненной силы человека. Исследователь XIX века М. Н. Хангалов дал подробное описание процесса захоронения последа: «Когда родится ребенок, имеют обычай послед зарывать в землю в какой-то посуде, чаще всего в берестяном лукошке. <...> Вместе с последом в лукошко кладут уголь, зерновой хлеб, три черных камня, изредка серебряную монету и березовые лучинки; последние кладут крестообразно внизу и сверху; иногда на послед выливают вино или тарасун <...> Вместе с последом зарывают боярышник и шиповник, так как злые духи боятся этих растений. Уголь кладут с последом, воображая, будто кладут огонь; раскалившись, уголь будет бросать искры, злые духи боятся искр и потому они будут бояться близко подойти к ребенку и откажутся от намерения ловить его душу» [14].

Посещения *тоонто* наполнены особым сакральным смыслом, поскольку, по верованиям бурят, человек заряжается энергией, жизненной силой, исходящей от места захоронения последа, так как он выступает в качестве источника жизненной силы, питающей человека.

Значение соблюдения «закона предков»

Неизменность соблюдения «закона предков» отражена в пословицах: «*Уг турэлоо алдахан хуниие уһан дээрэ туймэр эдихэ*» (Кто покинул свой род, того огонь найдет даже в море); «*Туухэ тоорихэгуй, уг орхигдохогуй*» (История не забывается, а род – не прерывается); «*Оог сууряан ойдо шэнгэдэг, олон зон орон нютагаа тушэдэг*» (Эхо по лесу распространяется, народ на свою родину опирается); «*Оорын һайхан дайдые орхихо хэрэггуй, турэһэн һайхан нютагаа тойрохо хэрэггуй*» (Нель-

Системы знаков,
воздействующие на
внутреннюю
позицию человека

зя покидать свою прекрасную родину, нельзя обходить свое родное село); «Хулоор ошоһон ерэхэ, хундэлэн ошоһон ерэхэгуй (Кто на ногах ушел – вернется, кто поперек, то есть нарушив обычаи, ушел, тот не вернется); «Уг турэлоо алдаһан хуниэ туймэр уһан дээрэ эдихэ» (Кто оставил свой род, того даже на воде огонь уничтожит).

Концептосфера бурятского этноса включает актуализированные в мифологизированном сознании ключевые значения и смыслы, связанные со средой обитания, условиями проживания и деятельностью. Этнос создал системы знаков, которые воздействуют на внутреннюю психическую деятельность каждого человека [15]. Так, концепт *сэргэ* – коновязь – сохраняет свою ритуально-символическую значимость и в наши дни. Почитание *сэргэ* связано с древним культом коня. *Сэргэ* ставился не только возле дома или юрты, но и в других местах. *Сэргэ* означает мужское начало, считается священным, ломать или выкапывать его категорически воспрещается. «Уничтожение или разрушение *сэргэ* было равнозначно уничтожению рода, исчезновению всех потомков», – писал исследователь XIX века В. А. Михайлов [16]. *Сэргэ* – знак материальный, чувственно воспринимаемый элемент действительности, выступающий в определенном значении и используемый для хранения и передачи некоторой идеальной информации о том, что лежит за пределами этого материального образования. *Сэргэ* выполняет множество функций: знака-символа, знака-признака и др. *Сэргэ* сигнализирует о количестве детей, сыновей, об образовании новой семьи. Сегодня наличие у дома *сэргэ* – средство заявления человека о себе как о традиционной значимой и притязательной на уважение других личности.

В Бурятии широко распространено представление о «*еһо заншал*» – о своеобразном этикете как о реальности, регулирующей бурятскую жизнь. Анализ включенного наблюдения этикетных норм позволяет констатировать, что притязание на признание идет через уважительное отношение людей друг к другу, через доброжелательность, через духовное единство с природой, через почитание старших, через сохранение родного очага, через заботу о приумножении рода.

Буряты реализуют
потребность в
признании в
диапазоне
традиционных и
новых видов
деятельности

Современные буряты реализуют потребность в признании в диапазоне разнообразных видов деятельности: традиционных (охота, ремесленничество, скотоводство) и новых (предпринимательство, бизнес, политика и др.). Специфика притязаний на признание бурят выражается через соблюдение социально-нормативного

поведения. Современные буряты притязают: на личную самооценку, которая утверждается личными достижениями; на глубинную соединенность с родом, с семьей. У бурят выражено ценностное отношение к возрасту (к старшим), к традиционным гендерным ролям, к карьере, к социальному статусу, к благосостоянию, к религии, к стилю межличностных отношений.

3. Половая идентификация и гендерные роли

Ценящаяся и желаемая социальная зрелость всегда шла через половую идентификацию. Дифференцированное отношение к детям в зависимости от их половой принадлежности начиналось у бурят очень рано. Исследователь XIX века Г. Д. Нацов описал исходные традиции идентификации мальчиков и девочек. Так, из барана, забитого по случаю рождения ребенка, варили бульон, который выпивала родильница и которым полагалось обмывать самого ребенка, причем из правой ноги барана варили бульон в случае рождения мальчика, из левой – в случае рождения девочки (одно из проявлений универсальных оппозиций «мужской – женский», соотносящееся с оппозицией «правый – левый») [17].

Для сохранения жизни ребенка у западных бурят шаман совершал магический обряд. Заготавливали веничек из девяти веток шиповника, причем для мальчика брались мужские ветки, а для девочки – женские.

У восточных бурят-ламаистов надежным средством сохранить жизнь ребенка считалось пригласить ламу быть *найжи* – покровителем. Если новорожденный мальчик, лама давал в качестве талисмана колокольчик, ваджру или какой-либо другой ламский атрибут; если девочка – то шарик коралла, янтаря или платок с тонким красивым узором.

В отношении воспитания детей в первые пять лет жизни никаких различий между мальчиками и девочками не делалось. Однако с 5–6 лет требования к ним становились различными, особенно в семьях, где было мало сыновей (один – два). В таких семьях мальчики получали право первенства, пользовались особенно нежной заботой, безнаказанностью, занимая особое положение. Мальчик становился баловнем семьи: ему отдавали лучший кусок, в торжественные дни он мог курить трубку, ему давали чашку с молочной водкой – как взрослым мужчинам. Одним словом, мальчик получал привилегии.

Мальчик получал право первенства

Дифференциация
мужской и женской
деятельности

Девочке с раннего возраста внушалась мысль о ее подчиненном положении, о зависимости от брата. Такая разница в отношении к мальчикам и девочкам была освящена традицией: сын – это будущий кормилец старых родителей, наследник семейного очага и хозяйства, а главное – продолжатель рода [18].

Родовая половая идентификация внутри деятельности – прежде всего разделенный труд. Девочка привлекалась к труду раньше, чем мальчик. Девочка уже с шести – семи лет активно участвовала в домашних делах: нянчила младших детей, мыла посуду, помогала в приготовлении пищи, следила за очагом. Лет с восьми девочка начинала помогать матери в доении коров, приучалась к шитью и вышиванию. Постепенно она приобщалась к специальной деятельности по обработке шерсти, шкур, сучению ниток из сухожилий, витью веревок и т.д.

Мальчиков учили в основном ухаживать за лошадьми, они пасли жеребят и овец. С 7 – 8 лет мальчики участвовали в полевых работах.

Мальчик приобщался к различным мужским ремеслам: обучался обращению с ружьем, стрельбе из лука и др. Указанием на дифференцированный подход при обучении труду служит пословица: «*Хаадаг номо дахайха – хубуун уран дурэ, хабагша шурбэһэ томохо – басаган урым дурэ*», что переводится «Ум мальчика – в умении натягивать стрелу, мастерство девочки – в умении шить и вышивать». Пословицы ориентируют бурят на раннее распределение обязанностей в связи с гендерными ролями.

Социально
контролируемые
отношения полов

Родовая половая идентификация у бурят помимо того, что это отношение человека к своим трудовым обязанностям, представляет собою еще и биологически предопределенные, социально табуированные отношения полов. Существовала целая система *хорюу* (запретов), которых женщина должна была придерживаться в семейной жизни. Существовало табу на имена: свекра, его отца, деда, родственников мужа по восходящей линии. Это были запреты на произнесение женщиной имени родственников по линии мужа. Эти традиции еще не забыты.

Табуирование
деятельности
мужчин и женщин

Самосознание представителя рода определялось половой идентификацией: мужчины должны были выполнять одну социальную функцию, а женщины – иную. Деятельности представителей разных полов были строго табуированы. Буряты всегда помнят, что родовая женщина потенциально может нести в себе

Актуальность традиционных представлений о роли мужчин и женщин

жизнь нового члена рода, а мужчина предстает в общественном сознании как продолжатель истории рода.

Психологический анализ пословиц и поговорок позволяет выделить ценностное отношение к половой идентичности: «*Эрын муу энеэдэг, эмээлэй муу хахинадаг*» (Пустой мужчина смеется, плохое седло скрипит); «*Ухэртэ эмээл зохихогуй, эхэнэртэ архи зохихогуй*» (Корове не подходит седло, женщине не идет вино), «*Ханшагта хун болбол хайша шубгэ хуряаха, хаадагта хун болбол хаадаг номоо манаха*» (Женщины ножницы и шило собирают, мужчины лук и стрелы ладят); «*Баатар хубун – сэрэгтэ, басаган ури – харида*» (Долг мужчины – на службе, долг женщины – замужество на чужбине); «*Эрэ хун гэртэ турэхэ, хээрэ ухэхэ*» (Мужчина родится в доме, а умереть должен в степи).

Как показывает включенное наблюдение, у современных бурят традиционно выражена половая дифференциация, определяющая и регулирующая отношения между представителями полов. Сегодня остаются актуальными традиционные представления о роли и месте мужчины и женщины. По сей день сохраняется особое отношение к мужчинам, оно освящено традицией: сын – это будущий кормилец старых родителей, наследник семейного очага и хозяйства, он – продолжатель рода.

Положение бурятской женщины имеет двойственный характер: с одной стороны, женщина ниже по статусу по сравнению с мужчиной, с другой стороны, современная бурятка обладает свободой действий (хозяйка дома, участие в общественных, семейных праздниках и в разных развлечениях).

В традиционных ситуациях коллективно-родовых ритуалов с обязательным элементом жертвоприношения – *обо*, *тайлаганах* – женщина и сегодня не имеет права присутствовать.

В современном бурятском обществе половая идентификация не предопределяется разделением труда на мужской и женский. Стереотипы мужского и женского поведения усваиваются через подражание старшим представителям своего пола, через идентификацию с ними и обособление от противоположного пола в определенные возрастные периоды. Вместе с тем у бурят, особенно в сельской местности, по-прежнему наблюдается традиционное обособление, определяющее и регулирующее отношения между мужчинами и женщинами.

Анализ этнического самосознания бурят дал нам основание говорить о том, что у них по сей день домини-

руют традиционные отношения к имянаречению, к сфере притязаний на признание и к реализации себя внутри гендерных ролей.

Что касается психологического времени, то в родовом самосознании бурят присутствовала ориентация на круговое циклическое время, отражающее циклы времен года, а также циклы рождения, жизни и ухода умерших в небо – затем возвращение к живущим членам рода через очередного новорожденного. В то же время современные образованные буряты восприняли ценности психологического времени, включающего в себя не только события и переживания личной жизни, не только историю бурят в целом, но также историю человеческого рода в целом.

Психологическое пространство органично включает в себя все сущностные ориентиры названных выше уровней самосознания. Освоение нормативов родового долга у бурят как и у всех народов мира имело и имеет «универсальное значение для выживания рода и каждого родового человека» [19]. По сей день внутри бурятского рода формирование долга у нового поколения осуществляется в пространстве всех традиционных отношений и ожиданий. Эти условия обеспечивают права и обязанности каждого нового поколения. Кроме традиционных норм современные буряты ориентированы на Конституцию России, законы и Декларацию прав человека.

1. *Мухина В. С.* Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век // Развитие личности. – 2002. – № 1. – С. 16.

2. *Там же.* – С. 16–39.

3. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010. – С. 529.

4. *Абаева Л. Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии. – М., 1991. – С. 55.

5. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск, 1980. – С. 74.

6. *Любимов И.* Из бурятских народных сказаний // Сибирский архив. – 1912. – XI. – С. 901–902.

7. *Кубарев В. Д., Черемисин Д. В.* Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX–XX в. –

Новосибирск, 1987. – С. 98–117; *Лунец Р. С.* «Лицо волка благословенно ...» (Стадиальные изменения в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 120–133.

8. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации: 2-е изд. – М., 2009. – С. 8.

9. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010. – С. 102.

10. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М., 1995. – С. 64–65.

11. *Карнышев А. Д.* Введение в экономическую этнопсихологию. – Иркутск, 2007. – С. 41.

12. *Елаев А. А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – С. 307.

13. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010. – С. 48–315.

14. *Хангалов М. Н.* Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят / Под ред. Г. Н. Потанина. – Томск, 1903. – Т. V. – С. 245–246.

15. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010. – С. 102–143.

16. *Михайлов В. А.* Религиозная мифология. – Улан-Удэ, 1996. – С. 33.

17. *Нацов Г. Д.* Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ, 1995. – С. 155.

18. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. – Улан-Удэ, 1991.

19. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010. – С. 715.

